

Алексей Николаевич Толстой

Семь дней, в которые был ограблен мир

Алексей Толстой

**Семь дней, в которые
был ограблен мир**

«ФТМ»

Толстой А. Н.

Семь дней, в которые был ограблен мир / А. Н. Толстой —
«ФТМ»,

© Толстой А. Н.

© ФТМ

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алексей Толстой

Семь дней, в которые был ограблен мир¹

1

Трехмачтовая яхта «Фламинго», распустив снежно-белые прямые марселя, косые гроты и трепетные треугольники кливеров, медленно прошла вдоль мола, повернулась, полоща парусами, – приняла ветер и скользнула, полетела в голубые поля Тихого океана.

В журнале начальника порта отметили: «Яхта „Фламинго“, владелец Игнатий Руф, восемнадцать человек команды, вышла в 16,30 в направлении юго-запад».

Несколько зевак равнодушно проводили стройные паруса «Фламинго» утонувшие за горизонтом. Да еще два сероглазых парня-грузчика, сопя трубками за столиком кофейни, на набережной, сказали друг другу:

– Биль, если бы «Фламинго» пошла на увеселительную прогулку, то были бы дамы на борту.

– Я тоже так думаю, Джо.

– Биль, а ведь недаром целая шайка репортеров вертелась с утра около яхты.

– Я такого же мнения, – недаром.

– А знаешь, вокруг чего они больше всего вертелись?

– Ну-ка, скажи.

– Вокруг этих длинных ящиков, которые мы грузили на «Фламинго».

– Это было шампанское.

– Я начинаю убеждаться, что ты глуп, как пустой бочонок, Биль.

– Не нужно, чтобы я обижался, Джо. Ну-ка, по-твоему, что же было в длинных ящиках?

– Если репортеры не могли разнюхать, что было в ящиках, значит никто этого не знает.

А, кроме того, «Фламинго» взяла воды на три недели.

– Тогда, значит, Игнатий Руф что-то задумал. Не такой он человек, чтобы даром выкинуть за борт три недели.

Так поговорив, оба парня отхлебнули пива и, упираясь голыми локтями о столик, продолжали сосать пенковые трубки.

«Фламинго» под всеми парусами, слегка накренясь, летела наискосок сине-зеленым волнам. Матросы в широких холщевых штанах, в белых фуфайках и белых колпачках с кисточками лежали на полированной палубе, поблескивающей медью, поглядывали на поскрипывающие рей, на тугие, как струны, ванты, на прохладные волны, разлетающиеся под узким носом яхты на две пены.

Рулевой, крепколицый швед, сутуло стоял на штурвале. Огненно-рыжую бороду его, растущую из-под воротника, отдувало ветром вбок. Гнались несколько чаек за яхтой и отстали. Солнце клонилось в безоблачную зеленоватую, золотую пыль заката. Ветер был свеж и ровен.

В кают-компани у прямоугольного стола сидело шесть человек, молча, опустив глаза, сдвинув брови. Перед каждым стоял запотевший от ледяного шампанского широкий бокал. Все курили сигары. Синие дымки наверху, в стеклянном колпаке, подхватывало и уносило ветром. Зыбкие отблески солнца сквозь иллюминаторы играли на красном дереве. От качки мягко вдавались пружины сафьяновых кресел.

Следя за пузырьками, поднимающимися со дна бокалов, пять человек, – все уже не молодые (кроме одного, инженера Корвина), все одетые в белую фланель, сосредоточенные, с сильными скулами и упрямыми затылками, – слушали то, что вот уже более часу говорил им Игнатий Руф. Никто за это время не прикоснулся к вину.

Игнатий Руф говорил, глядя на свои огромные руки, лежавшие на столе, на их блестящие, плоские ногти. Розовое лицо его с огромной нижней частью выразительно двигалось. Грудь была раскрыта по морскому обычаю. Короткие седые волосы двигались на черепе вместе с глубоко вдавленными большими ушами.

– ...В семь дней мы овладеем железными дорогами, водным транспортом, рудниками и приисками, заводами и фабриками Старого и Нового Света. Мы возьмем в руки оба рычага мира: нефть и химическую промышленность. Мы взорвем биржу и подгребем под себя промышленный капитал...

Так говорил Игнатий Руф, негромко, но с уверенностью выдавливая сквозь зубы короткие слова. Развивая план действия, он несколько раз возвращался к этой головокружительной картине будущего.

– ...Закон истории, это – закон войны. Тот, кто не наступает, нанося смертельные удары, тот погибает. Тот, кто ждет, когда на него нападут, – погибает. Тот, кто не опережает противника в обширности военного замысла, – погибает. Я хочу вас убедить в том, что мой план разумен и неизбежен. Пять человек из сидящих здесь (исключая Корвина) – богаты и мужественны. Но вот завтра эскадра германских воздушных крейсеров бросит на Париж тысячу тротиловых бомб, и через сутки весь земной шар окутается смертоносными облаками. Тогда я не поставлю ни одного цента за прочность стальных касс, – ни моей, ни ваших. Теперь даже детям известно, что вслед за войной тащится революция.

При этом слове четверо из сидящих за столом вынули сигары и усмехнулись. Инженер Корвин, не отрываясь, глядел матовыми, невидящими глазами в длинное, как в изогнутом зеркале, лицо Игнатия Руфа.

– ...Несмотря на эту опасность, не мало находится джентльменов, которые считают войну основным потребителем промышленного рынка. Эти джентльмены – шакалы. Они трусливы. Но есть другие джентльмены: они видят в войне неизбежного разрядителя промышленного кризиса, – в своем роде пульсирующее сердце мира, которое периодическими толчками гонит фабрики по артериям рынков. Эти джентльмены очень опасны, так как они консервативны, упрямы и политически могущественны. Покуда они стоят – непосредственно или через рабочие правительства – на руле государственного корабля, – мы ни одной ночи не можем спать спокойно. Мы всегда на волосок от промышленного кризиса, от войны и революции. Итак, мы должны вырвать инициативу из рук консервативно-мыслящей промышленной буржуазии. Эти джентльмены, рассуждающие, как лавочники эпохи франко-прусской войны, эти допотопные буржуа, эти собственные гробокопатели должны быть уничтожены. Мы должны овладеть мировым промышленным капиталом. Покуда коммунисты только еще мобилизуют силы, мы неожиданным ударом бросимся на буржуазию и овладеем твердынями промышленности и политической власти. А тогда мы легко свернем шею и революции. Если мы так не поступим, – в спешном, в молниеносном порядке, – лавочники не позже апреля будущего года заварят химическую войну. Вот копия секретного циркуляра, написанного в Вашингтоне, – о скупке за океаном всех запасов индиго. Как вам известно, из индиго готовится горчичный газ...

Инженер Корвин вынул из портфеля бумагу. Игнатий Руф положил ее на стол, прикрыл ладонью. На лбу его налилась поперечная жила, прямой рот стиснулся, лицо было свирепо, как у боксера на раунде перед двойным ударом в челюсть и в сердце.

– ...Идея нашего наступления такова: мы должны поразить мир невиданным и нестерпимым ужасом...

Четверо сидящих за столом опять вынули сигары, но на этот раз не усмехнулись. Глаза инженера Корвина медленно мигнули. Игнатий Руф сильно потянул воздух ноздрями.

– ...Мы должны произвести столбняк, временный паралич человечества. Острие ужаса мы направим на биржу. В несколько дней мы обесценим все ценности. Мы приобретем пакеты акций тех предприятий, которые обеспечат нам безраздельную власть. Когда через семь дней

наши враги опомнятся, – будет уже поздно. И тогда мы выпустим манифест о вечном мире и о конце революции на земле.

Игнатий Руф взял бокал шампанского и сейчас же поставил обратно. Рука его несколько дрожала.

– ...Каким же способом мы достигнем нужного эффекта – мирового ужаса? Сэр, – он грузно повернулся к инженеру Корвину, – покажите ваши чертежи...

Покуда в рубке происходил этот странный разговор, солнце опустилось за помрачневший край океана. Рулевой, следуя данному еще на берегу приказанию, повернул к югу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.